

УДК 321(479.224)
ББК 66.033

ДЕ-ФАКТО НЕЗАВИСИМЫЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ

М.А. Платонова

Долгие годы Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах были известны как «фактически независимые государства». Но сегодняшняя реальность Абхазии и Южной Осетии делает устаревшим это понятие. После признания независимости данных республик ситуация изменилась, и те термины, которыми можно было пользоваться раньше при описании этих государственных образований, на сегодняшний день требуют переосмысления.

Ключевые слова: де-факто государство, международное признание, внутренний и внешний суверенитет, частично признанные государства, независимые государства.

Непризнанные де-факто независимые государства: определение понятия

Американский профессор Скотт Пегг начал дебаты о фактически независимых государствах книгой, опубликованной более десяти лет назад, в которой писал главным образом о Северном Кипре, Тайване, Сомалиленде и Тамил-Иламе. Дов Линч, профессор Института безопасности ЕС, перенес дебаты на постсоветское пространство в своей книге «На пути к диалогу с сепаратистскими государствами Евразии: нерешенные конфликты и фактически независимые государства» [6]. В обеих книгах утверждалось, что сепаратистские регионы, контролируемые более или менее четко определенную территорию и население и обладающие набором институтов, аналогичных государственным, могут называться «фактически независимыми государствами». Они не признаны, но де-факто независимы.

Исследуя феномен де-факто государств, С. Пегг определил его следующим образом: де-факто государство существует там, где есть организованная политическая власть,

которая появилась благодаря высокому уровню внутренней поддержки и продолжает получать общественную поддержку; где существует достаточно возможностей для оказания государственных услуг народу, проживающему на конкретной территории, эффективный контроль над которой сохраняется в течение значительного периода времени. Де-факто государства рассматриваются как способные поддерживать отношения с другими государствами, и они стремятся к полной конституционной независимости и широкому международному признанию в качестве суверенных государств [8].

Здесь нужно сделать несколько замечаний. Во-первых, определение С. Пегга основывается на различии между эмпирическим и юридическим представлениями о государственности. Де-факто государство не признано другими государствами или международным сообществом. В результате оно не имеет правового статуса на международной арене, однако может иметь определенные претензии на государственность. Классическое определение субъекта, который может быть рассмотрен в качестве суверенного государства, дано в Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 года. В соответствии с этой Конвенцией, чтобы называться и быть определенным как государство, субъект должен иметь: 1) постоянное население; 2) определенную территорию; 3) пра-

вительство; 4) способность вступать в отношения с другими государствами. Де-факто государства удовлетворяют первым трем из этих критериев и утверждают, что смогут выполнить и четвертый. Однако сам факт того, что государство вполне соответствует эмпирическому представлению о нем, не может сделать его законным и легитимным в международном сообществе. Как утверждал С. Пегг, де-факто государства «нелегитимны независимо от того, насколько эффективными они являются», то есть де-факто независимость и наличие определенных признаков государственности не значит, что государство будет признано международным сообществом.

Во-вторых, необходимо проводить различие между внутренним и внешним суверенитетом. Внутренний суверенитет относится к верховной власти государства на определенной территории. Внешний суверенитет, с другой стороны, может быть определен как «конституционная независимость от других государств, при одновременной включенности в более широкие конституционные схемы (межгосударственные отношения)» [7, р. 835]. Де-факто государство претендует на оба: то есть, быть сувереном на определенной территории для людей, проживающих на ней, и быть конституционно независимым от какого-либо другого государства. Таким образом, основной отличительной чертой де-факто государств является то, что отсутствие признания внешнего суверенитета не позволяет такому государству стать полноправным членом международного сообщества.

Частично признанные де-факто зависимые государства

Разумеется, в действительности все сложнее, потому что большинство фактически независимых государств в той или иной мере всегда полагалось на поддержку извне для обеспечения своей безопасности и/или экономического развития (достаточно вспомнить о Тайване, Северном Кипре или Абхазии), и поэтому данное понятие всегда было относительным. Абхазия и Южная Осетия передали значительную часть своей фактической независимости России: их границы фак-

тически охраняются российскими миротворцами (а после 2009 г. – пограничниками), российский рубль является официальной валютой Абхазии и Южной Осетии, некоторые функции фактических правительств (особенно в Южной Осетии) переданы России. Всегда существовала высокая степень «фактической интеграции» Абхазии и Южной Осетии с Россией, что ограничивало их притязания на «фактическую независимость». И все же большинство аналитиков считало их де-факто государствами [1; 2; 4; 9]. Однако признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии ускоряет потерю ими «фактической независимости», хотя бы они того или нет.

Парадокс состоит в том, что до августа 2008 г. Абхазия и Южная Осетия были непризнанными, но фактически независимыми государствами; после августа 2008 г. они стали частично признанными, но фактически независимыми больше считаться не могут. Если войны в начале 1990-х были их «войнами за независимость», то война августа 2008 г. становится войной, положившей конец их, пусть даже ограниченной, «де-факто независимости». В войне 2008 г. победила Россия, а не эти республики. И сам факт формального признания независимости этих государств далеко не свидетельствует о том, что фактически они независимы. Пол Колсто, профессор, занимающийся исследованием России и Центральной Европы в Университете Осло, в своей статье «Устойчивость и будущее непризнанных квазигосударств» [5], подробно описывая вероятные исходы существования квазигосударств, акцентирует внимание на том, что, если международное признание распространится на любые нынешние квазигосударства, это не превратит их автоматически в функционирующие, «нормальные» государства. П. Колсто пишет, что «экономика и институциональные структуры многих квазигосударств сильно напоминают те, которые есть у несостоявшихся государств, и есть все основания полагать, что, если эти государства получают международное признание просто в награду за упорство в освободительной борьбе или из-за симпатии к их страданиям в руках государства-захватчика, многие из них будут в конечном итоге не функционирующими или сильными государствами, но вместо

этого могут стать несостоявшимися государствами. Если после признания не последовало массивной финансовой поддержки и строгого контроля в течение длительного периода времени, они могут повторить печальный опыт бывших европейских колоний в Африке» [5, р. 737].

О том, что формальное признание независимости не только не гарантирует де-факто независимости, но и в некоторых случаях ограничивает ее, свидетельствует множество факторов, как политических, так и экономических. И Абхазия, и Южная Осетия быстро превращаются из «фактически независимых государств» в «фактически регионы России». И если большинство жителей Южной Осетии если и не рады, то по крайней мере не против этого, то абхазы настроены не столь однозначно. Абхазские оппозиционеры неоднократно поднимали вопрос о том, что многие функции, которые должны обеспечивать суверенитет и независимость государства, переданы под внешнее управление [3]. С этим заявлением можно соглашаться или нет, но, тем не менее, в Абхазии на эту тему идут острые дебаты. В любом случае (и с этим соглашаются как российские, так и абхазские эксперты) тенденция на фактическую интеграцию с Россией практически неизбежна и практически необратима, по крайней мере в ближайшие пару десятилетий. Этому способствуют все региональные акторы, в том числе и Грузия. Если России удобно быть единственным окном в мир для этих республик, то насколько такое положение дел выгодно Абхазии – большой вопрос. Россия наложила вето на продление полномочий миссии ОБСЕ в Южной Осетии и миссии ЕС в Абхазии и настояла на уходе представителей этих организаций из обоих регионов, что способствует усилению их изоляции. В свою очередь, Грузия, приняв Закон об оккупированных территориях, также способствует усилению изоляции Абхазии и Южной Осетии. При этом Грузия проводит политику «дружбы» с Северо-Кавказскими республиками – что еще сильнее может усилить изоляцию. И недавнее признание грузинским парламентом геноцида черкесов лишнее тому подтверждение. Несмотря на определенные попытки Грузии сблизиться с Абхазией и Южной Осетией (например, разработка Ми-

нистерством реинтеграции Государственной стратегии в отношении оккупированных территорий; неформальные встречи представителей Абхазии с грузинскими общественниками по вопросам беженцев, развития Гальского района), в целом политика Грузии лишь укрепляет их зависимость от России. Что касается ЕС, то его государства-члены все чаще отказывают жителям Абхазии в визах (достаточно вспомнить недавнюю историю с абхазской командой КВН, которой отказали выдать латвийские визы в июле 2011 года). Но Абхазия и Южная Осетия также способствуют своей самоизоляции, отвергая многие международные контакты по символическим причинам (например, отказываясь допустить на свою территорию Наблюдательную миссию ЕС или встречаться с послами стран ЕС в Грузии, потому что они послы «в Грузии»). Вряд ли такие тенденции соответствуют долгосрочным интересам какого-либо из участников конфликта, но они вызваны политическими решениями, ранее принятыми каждым из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лакоба, С. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? / С. Лакоба // Slavic Research Center. – 2001. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.abkhaziya.org/books/lakoba_deyure.html. – Загл. с экрана.
2. Маркедонов, С. Государства de facto / С. Маркедонов // Агентство политических новостей. – 2006. – 14 дек. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/comments10896.htm>. – Загл. с экрана.
3. Полный текст заявления Политсовета республиканской политической партии «Форум народного единства Абхазии» и Высшего совета общественной организации ветеранов Отечественной войны народа Абхазии «Аруаа». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1164898.html>. – Загл. с экрана.
4. Попеску, Н. Абхазия и Южная Осетия: независимость или выживание? / Н. Попеску // Pro et Contra. – 2006. – 15 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2006/5-6/ProEtContra_2006_5-6_05.pdf. – Загл. с экрана.
5. Kolsto, P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States / P. Kolsto // Journal of Peace Research. – 2006. – Vol. 43, № 6 (Nov.). – P. 723–740.

6. Lynch, D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States / D. Lynch. – Washington : United States Institute of Peace Press, 2004. – 175 p.

7. Lynch, D. Separatist States and Post-Soviet Conflicts / D. Lynch // International Affairs (Royal

Institute of International Affairs). – 2002. – Vol. 78, № 4 (Oct.). – P. 831–848.

8. Pegg, S. International society and the de – facto state / S. Pegg // Ashgate : Aldershot, 1998. – 308 p.

9. Waal, T. de. The Caucasus: an Introduction / T. de Waal. – Oxford University Press, 2010. – 259 p.

DE-FACTO INDEPENDENT STATES OF THE CAUCASUS: REDEFINING THE TERMINOLOGY

M.A. Platonova

For many years Abkhazia, Nagorno-Karabakh and Transnistria were known as “de-facto independent states”. However, today’s reality in Abkhazia and South Ossetia makes the notion of “de-facto independent states” obsolete. After the recognition of the independence of these republics, the situation has changed and the terms, which could have been used before to describe these state formations, require rethinking for the present day.

Key words: *de-facto state, international recognition, internal and external sovereignty, partially recognized states, independent states.*